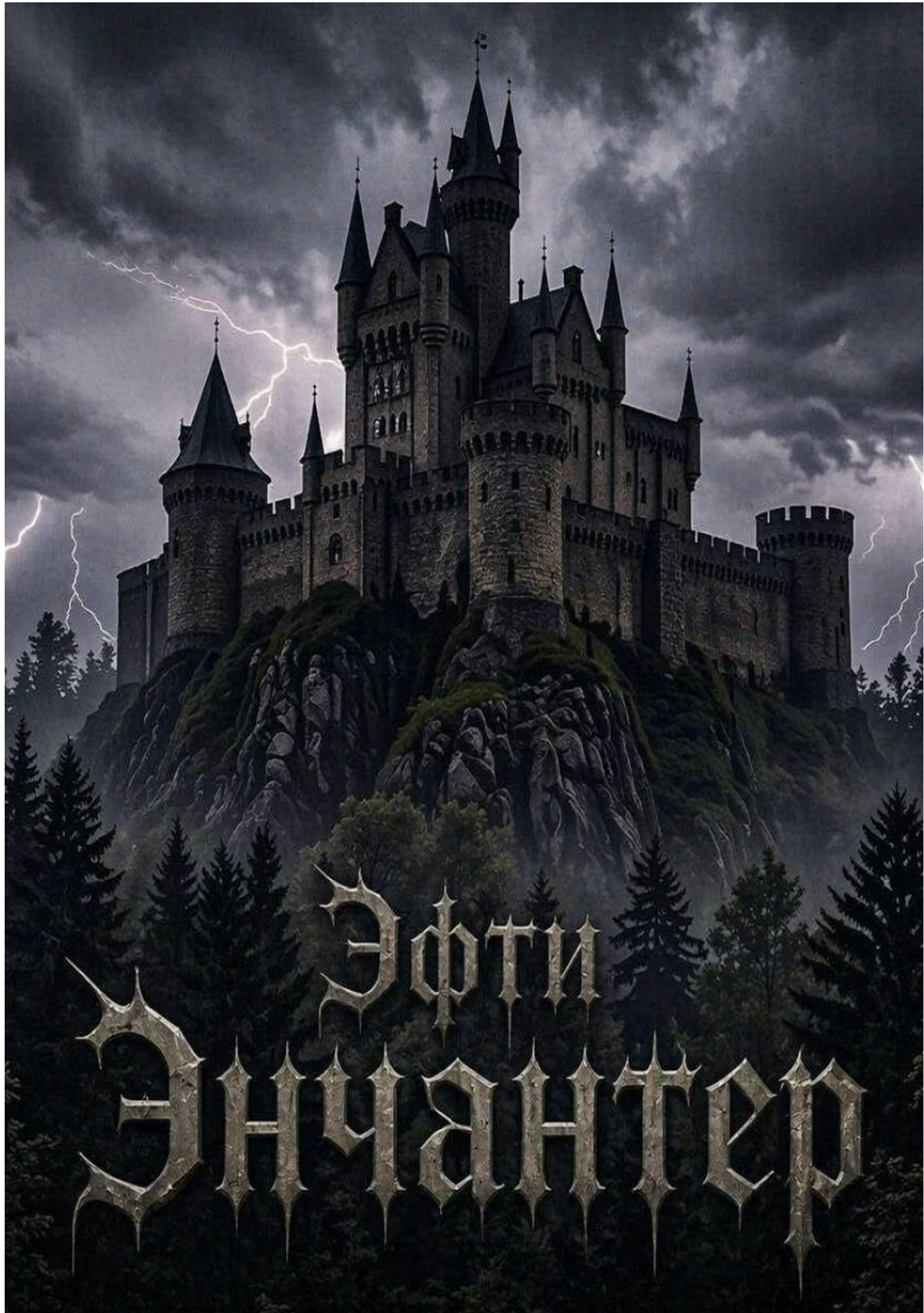

Эфти
Энчантер

«Автор»

2026

Эфти

Энчантер / Эфти — «Автор», 2026

Алекс, Аяана и Ми отправляются в Замок Богов, чтобы вернуть украденный дневник. Путь лежит через Изумрудный лес к Мрачному замку, где живёт таинственный Энчантер — единственный, кто знает, как попасть в обитель богини.

Содержание

Глава 1. Записи с первой по четвертую	5
Глава 2. Записи с пятой по седьмую	10
Глава 3. Записи с восьмой по одиннадцатую	15
Глава 4. Записи с двенадцатой по четырнадцатую	20
Глава 5. Записи с пятнадцатой по девятнадцатую	23
Глава 6. Записи с двадцатой по двадцать вторую	28
Глава 7. Записи с двадцать третьей по двадцать пятую	31
Глава 8. Записи с двадцать шестой по двадцать восьмую	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Эфти Энчантер

Глава 1. Записи с первой по четвертую

Запись нулевая

Я аккуратно отступил пустую страницу и наверху написал «Энчантер».

Потом подумал и добавил подзаголовок мелким почерком — так, чтобы тот, кто это будет читать, понял, что это не название, а катастрофа, которая ещё не случилась, но уже запланирована.

История о том, как мы пошли в замок богов, но вляпались в другую историю.

Я снова начал писать, потому что если я не запишу — всё забудется, а если забудется — значит, не случилось. А оно случилось и будет случаться дальше.

Запись первая

Мы пробыли в монастыре Норхат ещё сутки, восстанавливая силы. Место, которое ещё недавно дышало ненавистью и фанатизмом, теперь казалось просто тихим, заброшенным комплексом без хозяина.

Никто не пытался с нами конфликтовать. Ни одна жрица не вышла с мечом, не прочитала проклятие на наши головы, не попыталась отомстить за павшую богиню. Или не хватало духу, или они просто не знали, что делать дальше. Смерть Норхат оставила их без компаса — или без поводка. Трудно сказать, что именно они чувствовали, но я предпочитал не думать об этом.

— Ми, — довольно сказала Ми, загружая в свою сумку очередную золотую чашу. Я уже перестал считать. Она делала это с присущей ей скрупулёзностью — не хваталась за первое попавшееся, а выбирала: взвешивала, щупала, прикидывала ценность. Дракон в миниатюре.

Пандора, она же Буши, нашла какую-то брошь с тёмным камнем и потускневшим серебром. Долго крутила её в руках, потом застегнула на платье и сказала:

— С меня этого достаточно. Всё остальное — ваше.

Я не стал спрашивать, что в ней особенного. Если богиня что-то забирает себе, значит, у неё есть на то причина. Хорошая или плохая — не моё дело.

Иния почти всё время болтала с Анабель, и я слышал их смех — звонкий, лёгкий, почти беззаботный. О чём они говорили? О чём-то своём. О делах, которые касались только их. Я не сильно вникал. У меня были другие заботы.

Я посвятил своё время дневнику. Сидел под бронзовым киворием, на холодном мраморном полу, и писал. Всё, что случилось. Всё, что запомнил. Всё, что не хотел забыть.

Ещё я размышлял о луне.

Она всё так же висела над монастырём по ночам — жёлтая и тёплая. Их на ночном небе всегда было две: одна — луна Отини, другая — луна Норхат. Но теперь, когда я смотрел на неё, старое название не подходило. Луна Норхат. Слишком много крови, слишком много слов, слишком много молитв, которые никто не услышал.

— Пора бы сменить название луне Норхат, — сказал я себе вслух.

— На что? — спросила Аяана, проходя мимо с чашкой горячего чая. Она уже привыкла к моим монологам и не удивлялась.

— Луна Талиесина, — ответил я, проверяя, как звучит. — Или просто — Луна. Только без богов. Без имён.

Она хмыкнула, но ничего не сказала. Пошла и молча села на алтарь.

Эх. Быть может, когда-нибудь кто-то действительно переименует луну. Назовёт её так, как сочтёт нужным. Но вряд ли это буду я. Я просто жрец с изломанной магией и слишком большим дневником, чтобы носить его с собой без последствий.

А что случилось с Джалинн? Ми отправила её туда, куда отправила, и я был уверен, что это место будет для богини неплохим уроком. Пусть посидит и подумает о своём поведении. Может, даже попросит прощения у тех, кого хотела уничтожить. Хотя вряд ли.

— Вам пора, — сказала Анабель, подходя ко мне.

Я кивнул, закрыл дневник и поднялся.

— Пора, — согласился я. — Нас ждёт Мрачный замок — и совсем не ждёт Энчантер.

Запись вторая

Мы втроём беспрепятственно вышли через южные врата монастыря в тишину Изумрудного леса.

Лес встретил нас прохладой.

Изумрудный лес назывался так не просто так. Деревья здесь были ровными, будто их кто-то годами подстригал и выравнивал по линейке. Кроны смыкались вверх, пропуская свет небольшими зелёными пятнами, и воздух казался густым, насыщенным запахами. Пахло мхом, влажной корой и цветами.

А ещё он был населён волшебными существами.

Мы не успели сделать и сотни шагов, как мимо нас, спеша по своим делам, пролетел волшебный дракончик. Он выглядел как комар-переросток: длинное тело, четыре крыла, радужная чешуя, которая переливалась при каждом взмахе. И морда — как у маленькой, очень довольной собаки, которая только что стащила со стола сосиску.

— Ми! — с восхищением прошептала Ми, провожая его взглядом. Её глаза блестели, и я видел, что она готова была побежать за ним.

— Ну и мерзость, — прошипела Аяана, сплюнув на зелёную траву.

— Слишком милый? — уточнил я, пряча улыбку.

— Отвратительно милый, — подтвердила наёмница, передёрнув плечами. — Аж бесит.

— Потерпи немного, — подбодрил я. — Скоро выйдем на южную дорогу.

Я, конечно же, понятия не имел, насколько скоро мы выйдем из Изумрудного леса. Пандора сказала «через лес», а не «по прямой линии за два часа». Но ориентир был простой: идти на восток, пока не упрёмся в ущелье. А там — южная дорога. По крайней мере, так говорила богиня. А богини, как известно, никогда не ошибаются. Ну, почти никогда.

— Мы вообще знаем, куда идём? — спросила Аяана, когда мы прошли ещё с полкилометра.

— Приблизительно, — ответил я.

— Это твоё любимое слово.

— Одно из.

— Если мы заблудимся, я буду винить тебя.

— Если мы заблудимся, я тоже буду винить себя. Но не в полную силу.

Ми шла впереди, разглядывая каждое дерево, каждую травинку, каждое насекомое, которое попадалось на её пути. Она то и дело останавливалась, прислушивалась к чему-то, потом бежала дальше. Я смотрел на неё и думал, что, может быть, этот лес был именно тем, что ей

нужно. Покой и красота. Никаких жриц, никаких заклинаний, никакой угрозы. Только зелёный свет, пение птиц и дракончики, которые то и дело мелькали между ветвей, создавая видимость, что мир не всегда состоит из крови и проклятий.

Я почти расслабился. Почти.

— Я тут всё думаю, — произнесла Аяана, глядя на Ми.

Я покосился на наёмницу. Она шла чуть позади, держа руки на поясе. Лес повлиял даже на Аяану. Она начала думать. Не действовать, не рубить, не планировать, как и кого убить, а просто думать. Это было настолько необычно, что я не сразу нашёлся с ответом.

— И что же? — спросил я, заинтригованный.

— Дьявольские корнеплоды. Что такое дьявольский?

Я моргнул от неожиданности и улыбнулся.

— А — протянул я, чувствуя себя учителем, который наконец дождался вопроса по теме. — Это архаичное название злого. Раньше люди всё зло в мире собирали в единый образ. Они звали его дьявол. И выглядел он как большой краснокожий сатир.

— Сатир? — переспросила Аяана, и в её голосе послышалась усмешка.

Она смотрела вперёд, туда, где на большом плоском камне сидел маленький козлоногий сатир. Он играл на дудке весёлую, озорную мелодию. Его козлиные ноги болтались в воздухе, а рожки были такими маленькими, что больше походили на еловые шишки.

— Они же придурки, — сказала Аяана с лёгким презрением.

Сатир перестал играть. Он поднял голову, посмотрел на нас. Его глаза округлились. Он аккуратно, не делая резких движений, слез с камня и уполз за него, опасливо провожая взглядом наёмницу.

— Ну, — продолжил я, — тогда нужен был символ зла. И им стал дьявол. Козлоногий сатир с большими рогами и красной кожей. Он искушал людей, заключал с ними сомнительные договоры. Взамен люди отдавали ему свою душу.

— Придурки какие, — повторила Аяана, уже без усмешки. Скорее, с усталостью.

Я хмыкнул и посмотрел на камень, за которым прятался сатир.

— Ничего с тех времён особо не поменялось, — сказал я. — Люди всё так же готовы продать душу за что угодно. Только теперь вместо краснокожих сатиров — богини с завязанными глазами и дьявольские корнеплоды, которые прячутся в земле и ждут своего часа.

Мы прошли мимо камня. Сатир высунул голову, убедился, что мы ушли, и снова заиграл на дудке.

Запись третья

Чуть дальше, за поворотом тропы, среди стволов и зелёного света, я увидел её.

Нимфу.

Она стояла под деревьями, босая, в лёгкой белой ткани, которая почти не скрывала её тело. Её длинные волосы были влажными, будто она только что вынырнула из ручья и ещё не успела стряхнуть воду. Тонкие струйки стекали по её плечам, по рукам, капали на землю, где тут же исчезали, не оставляя следа.

Нимфа танцевала.

Я остановился и смотрел. Движения её были плавными, лёгкими — создавалось впечатление, что она не касалась земли, а скользила над ней. Её руки описывали в воздухе круги, её тело изгибалось, как травинка на ветру, и каждый шаг был идеально выверен, как у артистки, которая репетировала этот танец тысячи лет.

Мне слышался мелодичный смех. Тихий и звенящий, как вода в ручье. Но я не мог понять — смеётся ли нимфа, или это журчит где-то неподалёку невидимый ручей. Звуки смешивались, переплетались, создавали музыку, которой не было, но которая звучала в голове.

Она манила меня. Не словами и не жестами, а своим присутствием. Её танец приглашал, зазывал, обещал забыть про всё. Войти в круг, протянуть ей руку и двигаться вместе с ней, под её музыку и по её правилам.

Я сделал шаг вперёд.

— Чё, пойдёшь? — поинтересовалась Аяана.

Её голос прозвучал как ведро холодной воды, вылитое на голову. Я оглянулся на наёмницу.

— Танцевать с нимфой? — переспросил я, чувствуя, как что-то возвращает меня обратно в реальность.

— Ми! — прошептала Ми, стоя рядом. Она широко раскрыла глаза и смотрела на нимфу с таким восхищением, будто та была самым красивым существом на свете. Её губы чуть приоткрылись, и я почти видел, как она собирается сделать шаг вперёд.

— Ну да, с нимфой, — подтвердила Аяана. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на меня с лёгкой усмешкой. Спокойная уверенность в том, что я собираюсь сделать глупость и она будет смотреть на это с удовольствием.

Я посмотрел на нимфу. Она продолжала танцевать, но её движения стали чуть медленнее, как будто она ждала. Её тёмные бездонные глаза — я не видел их раньше — теперь смотрели прямо на меня.

— Не, — сказал я, отводя взгляд. — Я не умею танцевать. Потом вернусь и потанцую. Аяана хмыкнула.

Запись четвертая

Пройдя ещё с полкилометра, мы уткнулись в небольшое озеро.

Оно лежало посреди леса, как серебряная монета, брошенная на зелёный ковёр. Вода в нём была странной — серебристой. Она переливалась, мерцала, будто внутри плавали крошечные звёзды, и когда я смотрел на неё, у меня возникало чувство, что я гляжу не в озеро, а в ночное небо.

— Про этот водоём нам ничего не говорили, — сказал я, останавливаясь.

— Значит, мы заблудились, — констатировала Аяана.

Она просто произнесла это как факт, одновременно с искоса взглянув на меня. Я молча кивнул.

Ми подбежала к самому краю воды, присела на корточки и замерла, глядя на своё отражение. Её пальцы коснулись поверхности, и по воде пошли круги, разбивающие серебряное зеркало.

— Ми, — прошептала она, как будто разговаривала с кем-то там, в глубине.

На другой стороне озера я заметил небольшой дом с серой крышей, увитый зелёным плющом и фиолетовыми цветами. Он стоял почти у самой воды и казался частью пейзажа — будто вырос здесь сам, без строителей и чертежей.

Я не успел спросить, что за дом, потому что Аяана сделала рывок.

Пролетавший мимо волшебный дракончик с радужными крыльями внезапно оказался в её руке. Она схватила его за горло с такой скоростью, что я даже не заметил, как она это сделала.

— Где тут у нас восток, говори, — произнесла она, глядя в широко раскрытые от ужаса глаза дракончика.

Существо пищало, дёргалось, пыталось вырваться, но наёмница держала его так же уверенно, как держала бы Тихий Гром. Его радужная чешуя переливалась от страха, а крылья бились, создавая жалкий шум.

— Пу-пу-пу! — запищало оно.

— Понятно, пу-пу-отсюдова, — сказала Аяана и швырнула его подальше.

Дракончик улетел, кувыркаясь в воздухе, и скрылся за деревьями, издавая всё то же писклявое «пу-пу».

Я подошёл к Аяане. Она брезгливо вытирала руки о штаны, будто прикоснулась к чему-то неприятному.

— Не местный? — спросил я.

— Типа того, — ответила она. — Тоже турист. Еще и иностранец. По нашему не разговаривает.

Ми обернулась от озера и посмотрела на нас. На её лице было лёгкое недовольство, как будто она хотела сказать: «Зачем вы обижаете маленькое существо?» Но она промолчала. А может, хотела, чтобы мы положили его в её сумку?

Я смотрел на дом на той стороне. Лес был больше, чем мы думали, и он не хотел выпускать нас.

— Ну что, — сказала Аяана, отряхнув руки. — Пойдём спросим у того, кто в доме?

Я вздохнул и посмотрел на Ми. Она всё ещё сидела у воды, пальцами чертя круги на серебряной глади.

— Ми, — позвал я. — Идём.

— Ми, — ответила она, не оборачиваясь, но поднялась на ноги.

Мы пошли к дому по краю озера, через траву, которая под ногами казалась мягче, чем должна быть.

Домик оказался небольшим, сложенным из серого камня, с крышей, поросшей серым мхом. Плющ обвивал стены плотным зелёным ковром, а фиолетовые цветы свисали с карнизов, как маленькие колокольчики, которые не звенели, но, казалось, вот-вот зазвенят.

Дверь была приоткрыта.

Я толкнул её плечом — она поддалась без скрипа. Внутри было чисто, аккуратно, но пусто. Ощущалось чьё-то недавнее присутствие — на столе стояла кружка, рядом лежала раскрытая книга, страницы которой чуть шевелились от сквозняка. У стены — кровать, застеленная грубым шерстяным одеялом, пара табуретов и очаг, в котором ещё догорали угли.

— Похоже, здесь кто-то живёт, — сказал я, оглядываясь.

— Полчаса назад жил, — уточнила Аяана, принохиваясь.

— Может, отшельник, — предположил я. — Или рейнджер, который присматривает за лесом. Ушёл на обход.

— Или тот, кто не хочет, чтобы его нашли, — ответила Аяана, заглядывая в пустой шкаф.

Я хотел ответить, но почувствовал, что чего-то не хватает. Оглянувшись — Ми не было рядом. Она стояла у самого берега, как зачарованная, глядя на серебряную поверхность озера. Её голова была чуть наклонена, руки опущены вдоль тела, и она не шевелилась.

— Ми, — позвал я. — Идём.

— Ми! — позвала нас девочка и указала в центр водоёма.

— Что там? — спросил я и посмотрел в центр озера.

Прямо в центре мерцающего звёздами озера я увидел человеческую фигуру. Она стояла, не двигаясь, и смотрела на нас.

Глава 2. Записи с пятой по седьмую

Запись пятая

— Вы пришли по зову сердца! — произнесла загадочная фигура, подплывая к нам.

Она двигалась по серебряной глади бесшумно, не оставляя следов на воде. Полностью состояла из воды этого озера — я видел, как её тело переливалось, мерцало, пропуская сквозь себя звёздный свет. Ног не было видно; силуэт был женским, с тонкой талией и длинными руками. Ниже пояса она переходила в пышное платье, которое струилось по воде, уходя в глубину, как корни дерева.

— Мы пришли, потому что заблудились, — ответила Аяана, не моргнув глазом.

— Это дева озера, — сообщила мне Паладин Зари голосом, в котором звучала лёгкая тревога. — Осторожней. Они не любят, когда их тревожат.

— Укажи, в какой стороне восток, — спокойно попросил я, стараясь, чтобы голос не выдавал напряжения. — И мы пойдём со своим зовом сердца дальше. Без обид.

— Да, конечно, — сказала дева озера и небрежно махнула рукой в сторону, указывая на деревья. — Восток там. Идите, я вас не задерживаю.

— Спасибо, — сказала Аяана и двинулась в указанном направлении.

— Я остаюсь, — произнесла Ми. — Вы идите.

Мы уставились на неё. Впервые она произнесла что-то сложнее «Ми». Ну, не впервые, но всё равно. Это было слишком длинно и слишком осмысленно. Слишком не по-её.

Глаза Ми блестели серебром. Я не знал, было ли это отражением озера или чем-то другим, но смотрелось это неправильно.

— Так, леди, не пойдёт, — произнесла Аяана, положив руку на эфес. Голос её стал жёстче. — Это какая-то разводная схема из прошлого столетия. Таким циркачи промышляли — вентрилокация или что-то в этом духе. Только у них рот не открывался, а здесь я не вижу разницы.

— Это же вы управляете Ми, — сказал я, глядя на деву. — Зачем она вам?

— Я никем не управляю, — ответила она ледяным, спокойным голосом. В нём не было эмоций. — Каждый волен делать то, что велит ему сердце. Вы решили идти на восток. А девочка решила остаться в Изумрудном лесу.

— Ты давай тут за других не решай, — огрызнулась наёмница. — А то я за тебя решу, куда тебе идти.

— Я решила остаться, — произнесла Ми. Её голос был ровным, но я знал её достаточно хорошо, чтобы слышать — это был не её голос. — Правда. Это мой личный выбор. Тут красиво и спокойно.

— Спокойно! — эхом произнёс я, переводя взгляд от Ми к деве озера. — Если вы, леди, не перестанете воровать детей у нас, то вас ждут серьёзные последствия.

Я приподнял левую руку и угрожающе, насколько это было возможно, помотал пальцами. Выглядело глупо. Но выбора у меня не было.

— А может, и правда, — произнесла Аяана, и в её голосе послышалась задумчивость. — Может, нам стоит уйти

— Что? — я уставился на наёмницу. — И тебя околдовали?

— Да не, — усмехнулась Аяана. — Просто подыгрываю.

Она шагнула вперёд к озеру. Её рука всё ещё лежала на эфесе, но пальцы были расслаблены.

— Ты хочешь оставить Ми у себя, — сказала она деве. — И ты делаешь вид, что это её выбор. Мы не дураки.

Дева озера молчала. Её лицо было неподвижным, как поверхность воды в безветренный день.

— Я не краду детей, — ответила она наконец. — Я даю им выбор. Она сделала его сама.

— Тогда я сделаю свой, — сказал я.

Я шагнул к Ми, взял её за руку и потянул к себе. Её тело было напряжённым, но она не сопротивлялась.

— Мы уходим, — сказал я деве. — И если ты попытаешься остановить нас, ты пожалеешь об этом.

Дева молчала. Её фигура медленно начала растворяться, таять, уходя обратно в озеро.

— Вы вернётесь, — произнесла она голосом, который был уже почти шёпотом. — Серебряное озеро всегда притягивает тех, кто ищет покой. А вы ищете его.

— погоди! — крикнула наёмница вслед исчезающей деве. — Ты кое-что забыла!

Фигура замерла. На мгновение она перестала таять и застыла, как человек, который погрузился в воду по грудь. Её лицо было спокойным, но в глазах мелькнул отблеск любопытства.

— И что же? — спросила дева.

— Получить свой урок! — Аяна выхватила Тихий Гром и с размаху вонзила его в водную гладь прямо перед собой.

По озеру прошла рябь, а затем — дрожь. Вся поверхность озера вздрогнула, будто внутри, на большой глубине, что-то взорвалось. Лопнул двухсотлетний сом, съевший своего последнего пискаря. Или волшебный артефакт, у которого закончился срок службы. Или просто так подействовала активация Тихого Грома на воду.

Дева вздрогнула. Её тело начало распадаться быстрее — уже не таять, а разваливаться на куски, как разбитое зеркало. Она попыталась что-то сказать, но из её рта вырвался только булькающий звук, и она ушла под воду, исчезая в глубине, как камень, брошенный в колодец.

— Будет знать, как детей воровать, — усмехнулась наёмница и вытащила меч из воды.

Озеро потускнело. В нём как будто перестали мерцать звёзды, серебряная гладь стала обычной водой — тёмной, мутной, почти болотной.

— Ми, — сказала девочка, глядя на озеро. В голосе её была лёгкая грусть.

— Тётя не умерла, — сказал я. — Просто ушла по делам. Тихо и надолго.

— Вы что наделали? — раздался голос за спиной.

Запись шестая

Возле домика стоял молодой человек. Он появился так же неожиданно, как исчезла дева озера — будто вырос из земли, пока мы отвлеклись на воду. Одет он был в зелёные одежды, а поверх них — первоклассная кожаная броня. Не та, что продают на рынках за три серебряника, а настоящая, сшитая мастером. Длинный меч висел у него на поясе, на левом бедре, удобно и привычно. За спиной был пристёгнут лук — тоже не для красоты, с потёртой рукоятью и старой тетивой.

Лицо у него было красивым и мужественным. Такие лица обычно рисуют на портретах и вешают в залах советов. Длинные чёрные волосы падали на плечи, придавая ему вид то ли эльфа, то ли человека, который очень хотел быть эльфом.

На руках он держал маленького оленёнка с большими тёмными глазами и перевязанной лапкой, из-под которой сочилась кровь.

— Я меч мыла, — начала оправдываться Аяана, хотя никто её ни в чём не обвинял. — А что случилось?

— Мы тут заблудились, — уточнил я, чувствуя, что надо что-то сказать, пока наёмница не наговорила лишнего. — К южной дороге надо. Не подскажешь, в какую сторону?

— Ми! — подтвердила мои слова Ми. Она смотрела на оленёнка с таким интересом, что я испугался — вдруг она решит, что он тоже поместится в её сумку.

Молодой человек посмотрел на нас. Взгляд у него был спокойным, но я заметил, как он на мгновение задержал его на Аяане, потом перевёл взгляд на мою левую руку, потом посмотрел на Ми. Он оценивал. Не как враг, а как тот, кто привык видеть каждого, кто идёт по его земле.

— Южная дорога — в часе ходьбы на восток, — сказал он. — Но вам нужно не на восток, а на северо-восток. Сначала на северо-восток. Просто на восток выйдете к болотам. Туда не ходите.

— А ты кто? — спросила Аяана, прищурившись.

Он пристально посмотрел на наёмницу.

— Меня называют Лесничим. Это мой дом. Что вы сделали с Наукгар?

Мы переглянулись.

— С кем? — спросил я, явно не понимая, о ком речь. В голове пронеслись все имена, которые мы слышали за последние дни, — но такого среди них не было.

— Дева озера Наукгар, — ответил Лесничий. — Что вы с ней сделали?

Я поднял руки на уровень лица и растопырил пальцы — жест максимальной прозрачности и дружелюбия.

— Мы ничего не делали, — сказал я, стараясь говорить ровно. — Она сказала, что сходит к Рагуан и вернётся.

— Что? — Лесничий озабоченно посмотрел на меня. Его глаза сузились, а рука, державшая оленёнка, чуть дрогнула.

Я чувствовал, что мой импровизационный дар сейчас даёт сбой.

— Ты не импровизируешь, — шепнула мне Аяана, почти касаясь губами уха. — Ты просто её имя наоборот сказал. Никакой фантазии. Рагуан. Серьёзно?

— Лучше, чем ничего, — прошептал я в ответ, не разжимая губ.

— Она пошла к своей сестре? — Лесничий продолжал выдавать информацию в виде вопросов, не требующих ответов. — Только что?

Аяана смотрела на меня, нахмурившись, с тем же выражением лица, с которым смотрит на занозу, которую не понимает, как вытащить.

— Как ты это делаешь? — спросила она уже почти вслух.

Я пожал плечами.

Аяана открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала. Наёмница сделала шаг в сторону, пропуская вперёд Ми.

Ми стояла перед Лесничим, заглядывая ему в глаза.

— Ми! — сказала Ми. — Мииии

Лесничий посмотрел на неё. Потом перевёл взгляд на меня и снова взглянул на Ми.

— Хорошо, — сказал он. — Я провожу вас до южной дороги.

И он, не говоря больше ни слова, развернулся и пошёл к тропе. Оленёнок на его руках затих, доверчиво прижавшись к груди.

— Ми, — сказала Ми, идя за ним.

Аяана поравнялась со мной и тихо сказала:

— Слушай, если ты в следующий раз попытаешься снова перевернуть имя врага, я просто ударю тебя по голове.

— Договорились, — кивнул я. — Но сначала скажи, как зовут тебя наоборот.

Она задумалась.

Я решил сменить тему.

— Уважаемый лесничий, — как бы невзначай заметил я, — а оленёнок с нами пойдёт? Лесничий остановился. Так резко, что Ми чуть не врезалась ему в спину.

Он медленно повернулся. На его лице было выражение человека, который только что вспомнил, что забыл что-то важное, и теперь вся его жизнь превратилась в череду других важных дел, которые он упустил из виду.

— Точно, — сказал он, глядя на оленёнка, который спокойно лежал у него на руках, прижимаясь к груди. — Его же надо перевязать!

Запись седьмая

Мы вернулись в домик. Лесничий, не говоря лишних слов, достал с полки баночку с мазью, которая пахла так, будто в ней смешали все травы Изумрудного леса. Запах ударил в нос даже с другого конца комнаты.

Он смазал раненую лапку оленёнка, перебинтовал чистой тканью, завязал узел, погладил по голове.

— Ну всё, — сказал он, поднимая оленёнка на руки. — Иди.

Он опустил его на траву у порога. Оленёнок постоял, понюхал воздух, потом глянул на нас своими большими глазами и, прихрамывая, скрылся в лесу. Ми смотрела ему вслед.

— Ми, — сказала она.

— Он вернётся, — ответил Лесничий. — Они всегда возвращаются.

Мы собрались. Все были готовы идти к южной дороге, когда Лесничий вдруг остановился и посмотрел на меня. Прищурился так, как смотрят на подозрительный предмет, который не могут опознать.

— А я вас раньше не видел? — уточнил он.

— Думаю, нет, — уверенно ответил я. — Может, просто на кого-то похож.

Аяана хмыкнула, но не вмешалась. Вряд ли по деревьям развешены листовки с моим лицом и надписью «Разыскивается убийца богини».

Мы отправились через Изумрудный лес к южной дороге. Лесничий шёл впереди, уверенно, без карты, но так, будто знал каждую тропинку.

Мы прошли ещё немного, и лес начал редеть, уступая место болотистой местности. Воздух стал влажным, пахло гнилью и тиной. Где-то вдалеке булькнула лягушка — или не лягушка, а что-то большее.

На невысоком пригорке в центре болота сидела эльфийка.

Она была в длинных красных одеждах, которые спадали с плеч и струились по земле, не касаясь её. Бронзовое лицо было неподвижным, почти каменным, а через глаза и рот проходили четыре параллельные вертикальные линии — чёрные, как уголь, нанесённые с хирургической точностью. В руках она держала острый нож и деревянную палку. Она строгала её так, будто это было самое важное занятие в мире.

Лесничий шёл вперёд, даже не взглянув в её сторону. Будто её не существовало. А вот мы смотрели на неё с интересом. В ней было что-то необъяснимо зловещее — в том, как она взглядом преследовала рейнджера.

— Чик-чик, лесничий, — прошипела она злобным голосом, когда мы почти поравнялись с ней. Её голос был сухим, протяжным. — Чик-чик. Я выберусь отсюда и устрою чик-чик. Ты слышал?

Лесничий не остановился. Он просто продолжал идти, не сбавляя шага.

— Кто это? — спросил я у него, поравнявшись.

— Местная достопримечательность, — ответил он, не оборачиваясь. — Ведьма болот Фриста. Не обращай внимания.

— Она тебя знает.

— Она всех знает, — ответил Лесничий. — И всех ненавидит. Но никому не вредит. Она не может покинуть болота.

Эльфийка продолжала строгать палку, и я слышал, как нож вгрызается в дерево: чик-чик, чик-чик.

— Ми, — сказала Ми, идя рядом со мной. Она тоже смотрела на эльфийку, но без страха. Скорее с любопытством.

— Идём, — сказал я, ускоряя шаг.

Эльфийка смотрела нам вслед. Чик-чик.

Глава 3. Записи с восьмой по одиннадцатую

Запись восьмая

Хрусь.

Этот звук был самым раздражающим звуком, который я слышал за последнее время.

Хрусь.

Мы шли сквозь Изумрудный лес, населённый волшебными созданиями, куда-то на восток. Лесничий вёл нас молча, местами останавливаясь и разглядывая деревья, будто они могли рассказать ему что-то, что мы не видели. Я смотрел на кроны, рассматривал тропу, но ничего особенного не замечал.

Хрусь.

— Аяана, когда ты уже доешь это яблоко? — раздражённо выпалил я, не выдерживая ритмичного хруста, который преследовал меня уже добрых полчаса.

— А это уже третье, — спокойно ответила наёмница, жуя с абсолютным безразличием к моим страданиям. — У меня ещё есть.

Ми хихикнула. Я покосился на неё. Она шла рядом, улыбалась и явно наслаждалась моими мучениями.

Мы вышли в крутое ущелье между двумя горными пиками. В этом месте Изумрудный лес заканчивался, уступая место безжизненным серым горам. Трава стала реже, а деревья — ниже.

Хрусь.

Вдруг, словно услышав мой внутренний крик, с высоты спикировала большая красная птица. Она была яркой, как пламя костра, и оставила за собой огненный след, который быстро погас в воздухе. Она приземлилась на камень в нескольких шагах от нас, сложила крылья и уставилась на Аяану жёлтыми глазами.

Лесничий поднял руку и остановился.

— Это жар-птица, — шепотом произнёс рейнджер, указывая на птицу. — Очень редкий экземпляр. Не часто встретишь в наших краях.

— Но жар же другого цвета, — протянула Аяана и, хрусь, откусила ещё кусок большого красного яблока. — Жёлтый или жёлто-белый. А красный — это пламя. Пламя-птица выходит, а не жар-птица.

Лесничий немного задумался, посмотрел на птицу, потом перевёл взгляд на Аяану и покачал головой.

— Этот экземпляр называется жар-птица, — сказал он с лёгкой настойчивостью. — И она, как и ты, любит яблоки.

Я закатил глаза. Два существа, хрустящие яблоками в одном месте. Я не выдержу.

— Ну любит и любит, — ответила Аяана, продолжая жевать. — Мне-то что?

— А то, что её оперение необычное, — сказал рейнджер. — Дашь мне яблоко, я покажу?

Аяана отрицательно покачала головой. Она явно не собиралась делиться своим завтраком, даже если на неё смотрела редчайшая птица, способная поджечь лес.

— Я не делюсь едой, — сказала она с абсолютной уверенностью. — Особенно с красными курицами.

Жар-птица, словно поняв оскорбление, щелкнула клювом и, не сводя глаз с Аяаны, издала короткий гортанный звук. В её взгляде читалось что-то среднее между обидой и голодом.

Я вздохнул. Иногда мне казалось, что я единственный взрослый в этой компании, хотя это было смешно даже для меня.

Я протянул левую руку наёмнице.

— Дай мне, пожалуйста, яблоко, — вежливо попросил я. — Одно яблоко. Мне.

Аяана задумалась и полезла в сумку, достала большое красное яблоко, посмотрела на откусанное в другой руке.

— Ты ведь отдашь его красной курице? — спросила она с подозрением.

Я молча кивнул.

Наёмница протянула мне откусанное яблоко. Я посмотрел на него и подумал, что мог бы обидеться, но решил, что у нас нет времени на такие тонкости.

— Вот, держи, — сказал я, передавая яблоко Лесничему. — Что ты хотел показать?

Жар-птица жадно наблюдала за яблоком, не сводя глаз. Её голова двигалась вслед за каждым движением рейнджера, как у кошки за мышью.

Рейнджер молча принял яблоко и начал медленно подходить к жар-птице. Он двигался плавно, без резких движений, как настоящий охотник, который знал, что торопиться нельзя. Яблоко лежало на его раскрытой ладони, и птица как зачарованная следила за ним, забыв обо всём на свете.

Когда яблоко было уже почти рядом с головой редкой птицы, Лесничий резко изменил траекторию и бросил его за спину жар-птицы. Птица развернулась, молниеносно схватила яблоко, и в тот самый момент Лесничий выхватил из её роскошного хвоста длинное красное перо.

Птица вскрикнула — резко, пронзительно и немного обиженно, — схватила яблоко и взмыла ввысь, взмахнув широкими крыльями. Огненный след погас почти сразу, и через мгновение жар-птица скрылась за скалами, оставив нас одних.

Лесничий, улыбаясь, развернулся к нам. В руке он держал яркое красное перо, которое переливалось в свете, как драгоценный камень. На его лице местами присутствовали остатки опалённых бровей — там, где пламя птицы успело лизнуть его кожу.

— Ты мог поджечь лес, — сказала Аяана, глядя на него с лёгким уважением.

— Мог, — спокойно согласился Лесничий. — В крайнем случае позвал бы на помощь деву озера.

Аяана кивнула, скосила взгляд на меня и откусила яблоко.

— И что ты будешь с ним делать? — спросил я, указывая на перо.

Лесничий улыбнулся и протянул его мне. Перо было тёплым на ощупь.

— Оно пригодится, — сказал он. — Твоё яблоко — твоё перо.

Я отдал перо Ми, и мы двинулись дальше, как будто ничего не произошло.

Аяана снова достала яблоко.

Хрусь.

Запись девятая

Мы вышли из ущелья к дороге и попрощались с Лесничим.

Он стоял на границе между серыми скалами и зелёным лесом, и я заметил, как он смотрит на нас. Будто он знал, что мы встретимся снова, и не видел в этом ни тревоги, ни грусти.

— Дальше вы сами, — сказал он, поправляя лук за спиной. — Идите по дороге до тракта. Потом будет развилка. Вам на восток. Не сворачивайте — и найдёте то, что ищете.

— Спасибо, — сказал я. — За то, что не спросил лишнего.

Лесничий усмехнулся.

— Я знаю лес, — ответил он. — Я не знаю вас. Но я вижу, что вы не те, за кого себя выдаёте. И это не моё дело.

— Прощай, Лесничий, — сказала Аяана.

— Прощайте, — ответил он.

Ми подошла к нему и протянула руку. Он присел на корточки, взял её ладонь и слегка сжал. Она посмотрела на него своими большими глазами и сказала:

— Ми.

Он улыбнулся.

— Иди.

Мы развернулись и пошли по дороге, которая уходила между зелёными деревьями.

Дорога вывела нас к широкому тракту, уходящему в три стороны. Ни одного указательного столба, ни одного камня с выбитой надписью — ничего, кроме пыли и редких следов повозок. Мы смотрели на три направления и отправились на восток.

И когда минут через пятнадцать мы увидели высокие мрачные ели и тропинку, ведущую к небольшому замку, мы не стали сомневаться. Мы прибыли.

Перед входом в ветхую крепость, с покосившимися крышами и полуразрушенными стенами, были вырыты десять, а может, двенадцать свежих могил. Маленькие бугорки, ровные, без надписей. Небольшие, как для детей или для невысоких существ. Главное, чтобы не детей.

— Хоронили в спешке, — сказала наёмница. — Видишь, земля не осела.

Я присмотрелся. Она была права. Земля была рыхлой, свежей, едва утрамбованной.

За приоткрытыми двойными створками ворот крепости Аяана что-то слышала. Она вскинула кулак вверх, указывая вперёд. Потом медленно, бесшумно прокравшись, заглянула за массивные деревянные ворота. Застыла на мгновение, прислушиваясь.

Потом она молча указала мне рукой, чтобы я следовал за ней, и скрылась за воротами.

Я взял Ми за руку и пошёл следом.

Запись десятая

Я заглянул за ворота.

На земле лежал мёртвый гоблин, разрубленный на две части от шеи до бедра. Второго Аяана проткнула мечом. Она зажимала левой рукой рот гоблина, чтобы тот не закричал, а второй рукой держала клинок, пронзивший насквозь зелёное тело. Гоблин дёргался, хрипел, пытался вырваться, но наёмница держала его крепко.

Она разжала пальцы, отпустив эфес меча, и прикоснулась указательным пальцем к своим губам, глядя в глаза умирающему существу.

— Шшшш, — тихо сказала она. — Тихо. Всё уже кончилось.

Потом рука снова опустилась на клинок и провернула его в животе гоблина. Раз, другой. Я видел, как его глаза теряют блеск, как жизнь уходит вместе с тихим булькающим вздохом.

Аяана вытащила меч, вытерла его о штанину гоблина и встала.

— В могилах гоблины, — констатировал я, глядя на второе тело.

Ми чуть не взвизгнула, но я прижал руку к её лицу и приложил палец к губам. Почти так же, как Аяана проделала с гоблином.

— Ненавижу гоблинов, — прошептала Аяана, отряхивая руки. — Всех. До единого. Мне даже их смерть не доставляет удовольствия — просто облегчение, что их стало меньше. В этом мире гоблинов считают сорняками. Я согласна с этим определением.

Я покачал головой, но ничего не сказал. Во внутреннем дворе было пусто, только два мёртвых гоблина-охранника, которых Аяана уже аккуратно выволакивала за ворота. Она работала быстро, без лишнего шума, и через пару минут двор был чист.

Впереди стояло массивное каменное здание с дырявой крышей, выбитыми кирпичами в стенах и тёмными провалами окон, похожими на пустые глазницы.

— Гоблины не живут в замках, — сказал я, глядя на здание. — Они живут в норах, пещерах, подвалах. Но не в замках.

— Может, это особые гоблины, — ответила Аяана, поправляя меч на поясе. — Какие-нибудь замковые уродцы. Я не знаю, благородные зеленцы.

— Или их кто-то нанял.

Она посмотрела на меня.

— Кто?

— Тот, кто не хочет, чтобы мы вошли. Тот, кто знает, что мы придём.

Мы переглянулись, и я понял, что мы думаем об одном и том же.

Энчантер.

— Ми, — сказал я, протягивая ей руку. — Держись рядом.

Она крепко сжала мои пальцы, и мы вошли в здание.

Запись одиннадцатая

Как только мы вошли, в нос ударил непривычный запах. Ми скривилась, Аяана заинтересованно принюхивалась, а я осознал, к каким гоблинам мы попали.

Пахло самогонкой.

Не просто перегаром или дешёвым пойлом, а тем самым сладковато-хлебным духом, который бывает только в местах, где самогон варят годами, где рецепты передают от отца к сыну и где качество напитка стало вопросом чести.

Мы попали в замок благородных зелёных самогоноварителей.

Первая же комната стала доказательством. Посередине стоял огромный медный перегонный куб, булькающий и шипящий, как живое существо. Из его носика тонкой струйкой стекала прозрачная жидкость, собираясь в деревянную бочку. Извилистые трубки окутывали куб, как змеи, а снизу горел ровный огонь, поддерживаемый парой гоблинов, которые подкидывали дрова с видом заправских профессионалов. Третий гoblin сидел на бочке и помешивал содержимое длинной деревянной ложкой, периодически пробуя и одобрительно кивая. Четвёртый, скорее всего дегустатор, валялся вусмерть пьяный в углу, прижимая к груди пустую бутылку.

— Нам надо, — порывалась Аяана, но я её остановил.

— Я сам умею, — сказал я. — Зачем тебе гоблинский самогон?

— Никогда не пробовала, — призналась наёмница, с тоской глядя на куб. — Может, хоть что-то они умеют делать?

Я вздохнул. Искреннее любопытство в глазах человека, который убивал гоблинов без сожаления, было почти трогательным.

— Давай на обратном пути, — сказал я. — Если останется время и желание.

Аяана покачала головой, но послушалась.

Мы пошли дальше. В следующей комнате на соломенных настилах сидели два раненых гоблина — у одного была перевязана голова, у второго рука болталась явно сломанная. Аяана уже взялась за меч, но я снова остановил её.

— Не надо, — тихо сказал я. — Ми и так достаточно насмотрелась. Пройдём незамеченными, не будем привлекать внимание.

Аяана посмотрела на Ми, которая стояла рядом с широко раскрытыми глазами.

— Ты слишком добрый, — сказала она, убирая руку с меча.

— У нас хорошо получается, — ответил я, стараясь говорить с лёгкой усмешкой. — Мы входим без шума, выходим без трупов. Редкий навык для нашей компании.

Аяана фыркнула, но я заметил, что её плечи чуть расслабились.

Мы обошли раненых по стеночке, стараясь не шуметь. Гоблины нас не заметили. Один из них что-то бормотал во сне, второй тяжело дышал, прижимая сломанную руку к груди.

За поворотом мы увидели большую клетку в человеческий рост. Внутри, на соломе, сидел молодой человек в нижнем белье. Кое-где на теле виднелась грязь, под глазом темнел синяк, а на плече запеклась кровь.

Глава 4. Записи с двенадцатой по четырнадцатую

Запись двенадцатая

— Помогите, — прошептал человек в клетке, когда увидел нас. — Пожалуйста. Я не знаю, зачем они меня держат, но я уже три дня здесь.

Аяана подошла к клетке, осмотрела замок, потом перевела взгляд на парня.

— Ты кто? — спросила она.

— Грегори, — ответил он. — Я странствующий торговец. Шёл через эти земли, хотел заночевать в замке, думал, он пустой. А там гоблины. Они забрали мои вещи. И деньги. И одежду. А меня посадили сюда.

Аяана хмыкнула.

— И не убили? Удивительно.

— Они сказали, что я им нужен, — ответил Грегори. — Я не знаю зачем. Может, для выкупа. Может, для чего-то ещё.

Я подошёл к клетке и сделал вид, что осматриваю замок. Но сам я смотрел на другое. Он был слишком плечистым, слишком коренастым и слишком косноязычным для торговца. Я перевёл взгляд на раны Грегори. Ссадины и синяки — да, но всё это выглядело не как следы пыток, а как то, что он получил, пытаясь выбраться. И они были явно свежие, а не трёхдневной давности. Потом я посмотрел на пустое деревянное ведро в дальнем углу клетки. Оно было сухое и чистое, словно его никогда не использовали.

Что-то было не так.

— Ты умеешь вскрывать замки? — удивилась Аяана.

— Я жрец, — ответил я, не оборачиваясь. — Мы учимся всему, что может пригодиться в путешествиях.

Я повозился с замком, делая вид, что пытаюсь его открыть. Потом покачал головой и отошёл.

— Сложный замок, — сказал я, прикусив губу. — Нужны высококачественные отмычки или ключ.

Когда я сказал «ключ», лицо Грегори изменилось. На мгновение — едва заметно, но я заметил — в его глазах мелькнула тревога или разочарование.

— Мы можем сломать клетку? — спросил он, пытаясь говорить спокойно, но я слышал, как его голос дрогнул.

— Да раз — начала Аяана, но я остановил её, положив руку ей на плечо.

— Мы вернёмся к тебе и обязательно освободим, — сказал я, обращаясь к Грегори. — Но сейчас нам надо осмотреться. Понимаешь, мы не можем действовать вслепую.

— Не бросайте меня, — взмолился торговец. — Нам надо держаться вместе. Они убьют меня. И съедят. Они сказали, что меня подадут к ужину.

— Мы вернёмся, — повторил я. — Обещаю.

Я подталкивая вперёд уводил Аяану и Ми за поворот.

Аяана шла молча, но я чувствовал её нетерпение. Когда мы отошли достаточно далеко, она остановилась.

— Что это было? — спросила она. — Зачем ты оставил его там?

— Это был не торговец, — ответил я тихо. — Он не тот, за кого себя выдаёт.

Она моргнула.

— Ми? — удивлённо спросила девочка.

— Он слишком плечист для торговца. Он не просил воды, хотя сидел в клетке три дня, и ведро в углу было сухим. И когда я сказал про ключ, он испугался. Почему? Потому что он знает, где ключ. Он не жертва. Он приманка.

Аяана посмотрела на меня, потом на поворот, за которым остался Грегори.

— Ты уверен? — спросила она.

— Нет, — честно ответил я. — Но достаточно, чтобы не рисковать.

— Ми? — спросила Ми, глядя на меня с любопытством.

— Нет, мы не возвращаемся к дяде. Мы идём дальше, — сказал я. — Если он настоящий, то подождёт, а если нет — мы не попадём в ловушку.

Запись тринадцатая

Из дальнего помещения раздавался мелодичный стук, напоминающий игру на барабанах. Мы последовали дальше, и Аяана выглянула из-за угла, быстро оценила обстановку и вернулась.

— Двенадцать, — ответила она. — Не должно быть проблемой.

— Ми? — уточнила девочка, но я не стал спрашивать, так как уже догадался.

— Двенадцать гоблинов в помещении. Музыкант, танцовщица, гоблиники с детьми и король гоблинов на троне.

Сквозь мелодичные постукивания барабанов раздался голос:

— Выходите, я вас видел.

— Опасным только король гоблинов кажется, — добавила Аяана. — Но и то я не уверена.

— Я буду говорить, — обратился я к наёмнице.

Та кивнула, и я вышел в помещение тронного зала.

Тронный зал представлял собой идеально круглую палату с остатками статуи, разрушенной до основания, в центре. Гобелены на стенах изображали битвы и славные события минувших лет — гномы рубились с орками, осаждали крепости и стояли на страже горных перевалов. Место явно было построено не гоблинами.

На троне сидел большой по меркам гоблинов зелёный владыка в кольчужной рубаше и с массивным двуручным топором, поставленным рядом. Голова его была увенчана золотой короной без излишеств — простой обод без камней. Перед тронном сидел гоблин с барабанами, ритмично отбивая дробь, а рядом с ним танцевала гоблиника в полупрозрачных нарядах. Её движения завораживали — она не танцевала, а плыла сквозь время, рассказывая страстную историю трагической любви. Вдоль стен на лежаках сидели полуобнажённые гоблиники и кормили маленьких зелёных детей грудью.

Я вышел на середину зала и остановился.

— Кто же пришёл в гости к королю Груму? — произнёс король гоблинов.

Голос у него был низким, почти басовитым — неожиданно для гоблина. Он смотрел на меня с любопытством. Для него я был не врагом, а гостем, который наконец-то добрался до его стола.

— Меня зовут Алекс, — ответил я, стараясь говорить ровно и спокойно. — Мы идём к южной дороге. Не хотели вас беспокоить, но ваш замок стоит прямо на нашем пути.

Король Грум ухмыльнулся. Он откинулся на троне, сложил руки на животе и смотрел на меня с лёгким интересом, как на забавную диковинку.

Рядом со мной встала Аяана. Но она не смотрела на короля. Она смотрела на гоблинику с открытой зелёной грудью, которая кормила маленького гоблина на руках. Её взгляд был прикован к этой картине с таким выражением, будто она пыталась разгадать сложный шифр.

— Я ожидал извинения, — говорил король, важно восседаая на троне. — Но вы бесцеремонно вторглись в мои владения и решили дерзить!

— Эй Алекс, — прошептала Аяана, не сводя взгляда с обнажённой груди гоблинихи.

— Что? — шепнул я наёмнице, пытаясь одновременно слушать короля.

— Я требую уважения! — продолжал король, повышая голос. — Я король Грум, повелитель этого замка и некоторых земель, что вы видите вокруг!

А потом наёмница сказала мне такое сочетание слов, которое я никогда раньше не слышал.

— Со мной тут сосок разговаривает.

Запись четырнадцатая

Я поднял руку, останавливая поток пафосных речей короля Грума, и прошептал Аяане:

— Какой сосок?

— Вот, — наемница указала пальцем на грудь ничего не понимающей гоблинихи, — он говорит, что я приглашена на свадьбу к князю домена мрака Никусу.

Я открыл рот. Хотел что-то сказать, но ничего не сказал, потому что не мог подобрать слов.

— Зафиксируй этот момент, — сказал я, стараясь быть невозмутимым. — Мы к нему ещё вернёмся.

В голове лихорадочно вращались мысли. Это было самое необычное приглашение на свадьбу, о котором я слышал.

Я сделал глубокий вдох и улыбнулся королю гоблинов.

— Уважаемый король Грум! — я поклонился со всей вежливостью, на которую был способен. — Мы ищем Энчантера. Не могли бы вы быть столь великодушным и указать нам путь?

Король довольно крикнул. Ему явно нравилось, что к нему относятся почтительно. Он выпрямился на троне, поправил корону и посмотрел на меня как человек, который готов исполнить просьбу, но только если она будет правильно сформулирована.

— Я как король всё могу, — ответил он, хитро прищурившись. — А вы? Готовы ли вы помочь королю Груму?

— Конечно, — я с энтузиазмом закивал. — Если это не пойдёт вразрез с нашими морально-этическими нормами.

А потом задумался. А что ещё может пойти вразрез с нашими нормами? Мы уже убили пару гоблинов, обманули лесничего, оставили пленного в клетке. Наши нормы были довольно гибкими.

— Ми! — подтвердила девочка, дёргая меня за сутану и указывая куда-то за спину, явно намекая на то, что мы забыли про пленника в клетке.

— А и ещё! — подхватил я. — Мы не могли не заметить пленного человека, томящегося в вашей клетке. Можем ли мы попросить вас освободить этого беднягу?

Король Грум рассмеялся.

— Что он вам наплёл? — спросил он, еле сдерживая смех. — Я держу его взаперти не просто так. Это опасный преступник, Дезмонд, «убийца гоблинов».

Это было неожиданно, хотя вполне ожидаемо, если вспомнить могилы перед входом и два раненых гоблина.

— Уважаемый король Грум, — сказал я, — мы не знаем всей истории. Но если вы покажете нам путь к Энчантеру, мы сможем помочь вам с вашей проблемой. А заодно заберём этого Дезмонда, чтобы он больше не причинял вам беспокойства.

Король посмотрел на меня с улыбкой.

— Дезмонд и есть моя просьба.

Глава 5. Записи с пятнадцатой по девятнадцатую

Запись пятнадцатая

— Я предприниматель, — начал свою историю король Грум, важно поправляя корону и откидываясь на троне. — Мы производим лучший самогон в этих краях и отправляем его в таверны Мидленда и Безымянного Города. С небольшим количеством персонала мы достигли успешных высот самогоноварения. Самогон варится, золото копится — всё как и должно быть.

Я молча слушал и кивал, стараясь сохранять на лице выражение заинтересованного слушателя. Король явно наслаждался моментом — его голос звучал гордо, как у человека, который построил империю на зелёном пойле и не собирается этого стесняться.

Аяана ткнула меня в плечо и прошептала:

— Никус желает нас видеть до конца дня.

— погоди, — прервал я разговаривающую с соском наёмницу, — у нас тут история успеха.

— Но объявился в наших краях гоблиноненавистник Дезмонд, — продолжал король, повышая голос, — в своих сияющих доспехах и с острым коротким мечом. Начал вести свою подрывную деятельность: убивать гоблинов, сжигать телеги, портить товары. Это плохо отразилось на нашем бизнесе, да и на моих вассалах тоже. Часть из них, в страхе перед убийцей гоблинов, разбежалась, часть умерли от его руки.

— Карцерон, знаешь такой домен мрака? — прошептала мне на ухо Аяана.

— И вот мы наконец-то устроили убийце гоблинов засаду и схватили подлеца, — продолжал король, поправляя корону. — Это случилось сегодня ночью. Однако при захвате мы потеряли верных мне людей, что опять же негативно отразится на бизнесе.

— Карцерон — это домен-тюрьма, — шепнул я наёмнице. — Цепи, клетки, казематы, всё такое. Не самое гостеприимное место.

Аяана кивнула, оценивая масштабы трагедии, и посмотрела на меня с выражением, которое трудно было прочесть.

— Убивать Дезмонда мы не хотим, — сказал король Грум, понижая голос. — Убивать людей вредит нашему делу. И вот тут мы переходим к моей просьбе.

— Да, я внимательно слушаю, — сказал я, стараясь быть заинтересованным.

— Надо навсегда отвадить убийцу гоблинов от нашего замка, — сказал король, — и от последующих попыток нападать на гоблинов. Сделайте так, чтобы он не хотел нас убивать. Или не мог. Мне всё равно. Главное — результат.

— Заявочка интересна, — Аяана присвистнула. — А если мы просто убьём его?

— Я же сказал: убивать людей вредит бизнесу, — ответил король. — Если он умрёт в моём замке, его друзья или родственники могут прийти за мной. А если он больше не будет или не сможет убивать гоблинов — это идеальный вариант.

Я посмотрел на Аяану. Она посмотрела на меня. Мы оба знали, что есть способ отвадить наёмного убийцу от гоблинов, но, как оказалось, у нас были разные варианты.

— Мы подумаем, — сказал я. — И дадим ответ до того, как покинем замок.

Король Грум кивнул и довольно улыбнулся.

— Хорошо. Я покажу вам путь к Энчантеру, но после того, как вы решите мою проблему. Договорились?

— Договорились, — ответил я.

Запись шестнадцатая

— Что скажет мудрейшая Ми? — обратился я к девочке, когда мы уже покидали тронный зал короля Грума.

— Ми! — звонко произнесла Ми, вскинув руку.

— Мудро! — согласился я, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое от её детской простоты. — Твой вариант решения сложившейся ситуации пока что самый хороший.

— А ты что предлагаешь? — поинтересовалась Аяана, искоса взглянув на меня.

— Предлагаю сделать так, чтобы у него не было причин их ненавидеть, — ответил я, — или дать ему причину ненавидеть кого-то другого. Переключить его внимание, так сказать.

— Слишком муторно, — брезгливо ответила наёмница, услышав моё предложение. — Слишком много разговоров, слишком мало дела.

— Хорошо, а твой вариант? — спросил я, глядя на неё.

Аяана злобно улыбнулась. Эта улыбка мне не нравилась. Я видел её раньше — перед тем, как она предлагала что-то очень простое и очень жестокое.

— Мой? — она еле сдерживала улыбку, предвкушая мою реакцию. — Отрубить ему руки.

— Что? — я остановился.

— Что? — переспросила она с невинным видом.

— Ми? — удивилась девочка, но в её глазах я увидел не вопрос, а любопытство. Она явно не понимала, почему я так удивлён.

— Ну, я так подумала, — начала рассуждать Аяана, накручивая рыжую косичку на палец. — Если отрубим ему руки, то он не сможет убивать гоблинов. Но останется жив. Без рук он не представляет угрозы. И король Грум останется доволен — его проблема решена без убийства.

— Дело говорит наёмница, — прозвучал голос Паладина Зари в моей голове. — Безрукий не может держать меч. Это просто, логично и не требует долгих разговоров.

Я устало выдохнул и потёр глаза.

— Давайте сначала попробуем с ним поговорить, — предложил я. — Если мы выслушаем его историю, может быть, у меня получится убедить его без членовредительства. Возможно, у него есть причина ненавидеть гоблинов, которую можно устранить.

Аяана усмехнулась, но промолчала.

Мы подошли к клетке, где сидел Дезмонд. Он сидел на соломе, прислонившись к прутьям, и смотрел на нас с той же настороженностью, что и раньше.

— Привет, — сказал я. — Нам надо поговорить.

Запись семнадцатая

— Ненавижу гоблинов, — прошипел Дезмонд, вцепившись в железные прутья клетки. Его пальцы побелели от напряжения, глаза горели той самой ненавистью, которая не угасает годами. — Всех. До единого. Мне даже их смерть не доставляет удовольствия — просто облегчение, что их стало меньше.

Аяана слушала убийцу гоблинов и одобрительно кивала.

— А что насчёт драконов? — поинтересовался я, стараясь говорить как можно более буднично, будто предлагал сменить работу с одной на другую. — «Убийца гоблинов» — титул не очень почётный. На слух так себе. А вот «убийца драконов» — статусно. Звучит важно. Не хочешь ли перевести весь свой гнев на драконов?

— Нет! — отрезал Дезмонд, даже не задумавшись. — Я убивал и буду убивать гоблинов. Они мерзкие создания, а эти ещё и самогон варят.

— Ты что-то имеешь против самогона? — уточнила Аяана, в её голосе послышалась искренняя обида.

— Да! — рявкнул он. — Я не пью. Вообще.

— Понятно, — сказала наёмница и сделала шаг ближе к клетке.

Она оценивала клетку, расстояние между прутьями. Можно ли просунуть руку, чтобы схватить за шею трезвенника и шмякнуть его об решётку головой. Её пальцы сами собой сжались в кулак.

— Освободите меня, — сказал Дезмонд, переводя взгляд с меня на неё и обратно. — Если вы не хотите их убивать, всё сделаю я. Я убью их всех! Больших, маленьких, старых, молодых, младенцев. Я размажу их головы, обмажусь их кровью и буду упиваться их предсмертными муками. Всё, что вам нужно, — это выпустить меня.

— Ми! — сказала девочка, и в её голосе послышалось неодобрение.

Я поднял глаза к потолку, разглядывая трещины в старых камнях.

— Видит Отини, я старался, — сказал я, обращаясь неизвестно к кому. — Дезмонд, ты не помогаешь.

— Выпустите! — заорал он, ударив кулаками по прутьям. — Убить! Всех! До единого!

Я вздохнул и медленно повернулся к Аяане. На её лице застыла зловещая улыбка. Я молча кивнул.

Наемница не стала медлить. Она просунула руку через прутья, схватила Дезмонда за затылок и с силой приложила его лицом об прутья решётки. Звук был глухим — звук, когда кость встречается с металлом. Дезмонд охнул, тело его обмякло, и он начал медленно сползать по прутьям.

Аяана не дала ему упасть. Она перехватила его второй рукой через решётку, ловко вытаскивая из клетки его вялые кисти рук. Дезмонд что-то простонал, но сознание уже покинуло его.

— Что ты делаешь? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Помогаю ему, — ответила она, не оборачиваясь.

Я взял Ми за плечо и развернул к стене, закрывая ей обзор. Девочка не сопротивлялась, но я чувствовал, как она напряглась.

— Дядя наговорил на декапитацию, — сказал я тихо, — но лишится всего лишь рук.

Запись восемнадцатая

— Так что там со свадьбой? — спросил я у наёмницы, возвращаясь в тронный зал короля Грума.

— Сосок сказал, что мы втроём приглашены на свадьбу Никуса, князя Карцерона, — ответила Аяана. — Похоже, у нас появились связи в высших кругах.

— Ми! — с придыханием сообщила девочка, и я почувствовал, что она уже мысленно выбирает наряд.

— Великая честь, — подтвердил я. — В подарок принесём отрубленные кисти убийцы гоблинов?

— Не, — сказала Аяана, качая головой. — Кисти — королю гоблинов. Всегда хорошо иметь свободные руки под рукой.

— Как скажешь.

Когда мы зашли в тронный зал, король чуть привстал от удивления. Он явно не ожидал нашего скорого возвращения. Его брови поползли вверх, а на лице отразилось сомнение.

— Вы решили мою проблему? — спросил он, уже не так уверенно, как раньше.

— Ну да, — протянул я, стараясь говорить как можно более небрежно.

— Мы решили её по частям, — добавила Аяана и кинула две отрубленные кисти в сторону трона.

Те шмякнулись об пол возле трона, оставляя за собой тёмные следы.

— Не понял, — произнёс он, глядя на отрубленные руки. — Объясните.

— Очень просто, — сказал я, подходя ближе. — Он больше не будет убивать гоблинов. Потому что не сможет держать меч. Или кинжал. И или что-то ещё, чем можно убивать.

— А что, он остался жив? — удивился король.

— Жив, — подтвердила Аяана. — Без кистей рук, но жив.

Король задумался, глядя на нас.

— Ну, я просил отвести его, — сказал он. — И вы это сделали. Но я надеялся, что вы придумаете что-то более... дипломатичное?

— Это было дипломатично, — ответила Аяана. — Мы просто лишили его орудий труда.

Король Грум хмыкнул, потрогал корону, почесал затылок и медленно кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Это работает. Я доволен.

Без рук Дезмонд, возможно, когда-нибудь захочет отомстить. Но это уже была проблема вчерашнего дня.

Запись девятнадцатая

— Ну и пошло, — выдавила из себя Аяана, отпив глоток гоблинского самогона. Она зажмурилась, пошевелила губами, будто пробуя на вкус каждую каплю, и добавила с уважением: — Добротное. Будешь?

Я отказался. Я видел, как этот самогон варится, и моё доверие к нему было примерно на уровне доверия к болотной ведьме, которая предлагает тебе чай на заячьем помёте.

— Мы сначала варили пиво, — произнес король. — Но гоблинское пиво оказалось на вкус как дерьмо. И на запах тоже. В общем, мы отказались от своего бренда гоблинского пива — слишком большая конкуренция среди дерьма.

Король Грум, довольный тем, что его продукт оценили по достоинству, важно восседал на троне. Он снабдил нас более точной картой нашего дальнейшего пути. Правда, нарисовал он её кровью на обрывке старой кожи, которая, судя по всему, когда-то была частью чьей-то куртки. Указывал на важные моменты он отрубленной кистью Дезмонда. Кисть оказалась удивительно удобным инструментом — пальцы сгибались как надо, а ногти оставляли чёткие линии на коже.

— Вот тут вы повернёте на запад и вернётесь на тракт, — говорил король, водя кистью по карте. — Пройдёте до развилки. На север дорога будет вести на Великий Базар, на юг — в Безымянный город. Где-то посередине будет мост через высохшую реку «Тухлянка». Идите через мост по тропе и никуда не сворачивайте. Дорога выведет вас в Темнолесье, там ищите Мрачный замок. Энчантер обитает в нём.

— Остерегайтесь хозяина Темнолесья, — добавил он, понижая голос. — Ходят слухи, что он ловит людей и не людей и вешает на кровавое дерево.

— Зачем? — спросил я.

— В лесу полно ёлок, — пожал плечами король Грум. — Но одну он любит больше всего. Украшает трупами. Хочется праздника, наверное.

— Понятно, — сказал я, стараясь не представлять эту картину слишком ярко. — Остерегаться хозяина Темнолесья.

— Именно, — кивнул король Грум и откинулся на троне.

Мы стояли перед ним, и я чувствовал, что этот разговор подходит к концу. Карта была получена, путь обозначен, проблема с Дезмондом решена. Оставалось только уйти.

— И ещё, — сказал король, как бы невзначай, — если будете в Безымянном Городе, поклонитесь от меня старейшинам. Скажите, что Грум помнит о долге.

Я кивнул и убрал карту в карман. Аяана допила самогон, крякнула и повесила на пояс глиняный кувшин.

— Пошли, — сказала она. — Нас уже обождались, наверное.

Мы двинулись к выходу. На пороге я обернулся и посмотрел на короля гоблинов. Он сидел на троне, поправляя корону, и улыбался. Я не знал, что он задумал, но чувствовал, что мы ещё встретимся. Потому что такие встречи никогда не заканчиваются просто так.

Глава 6. Записи с двадцатой по двадцать вторую

Запись двадцатая

Мы покинули прибежище гоблинов-самогонщиков и отправились строго по карте, которую король Грум начертил кровью на коже. Она была не очень точной, но хотя бы понятной — без лишних завитушек и загадочных пометок вроде «здесь водятся чудища» или «не ходите туда, если не хотите стать кактусом».

Через полчаса мы вышли на развилку. Южная дорога. Большой и широкий тракт вёл, судя по названию, на юг, или, если смотреть в противоположную сторону, на север.

Ещё через полчаса мы нашли мост через высохшую реку. И кое-что ещё.

На торговом тракте мы наткнулись на богатый караван из двенадцати повозок. Жуткая картина предстала перед глазами: все люди застыли как статуи в момент паники, их лица искажены безмолвным ужасом, а глаза подёрнуты матовой плёнкой. Лошади замерли с поднятыми копытами, их гривы не колышутся даже на сильном ветру. Запах серы и старой меди висел в воздухе, а само время здесь словно увязло в патоке.

— Хреномагия какая-то! — сказала Аяана, рассматривая застывших людей.

— Почти, — поправил я. — Хрономантия. Заклинание остановки времени. Кто-то заморозил этот караван и, судя по всему, ушёл по своим делам.

— Не хочу знать, что заставило их бросить всё, — пробормотала наёмница.

Ми тем временем полезла в одну из повозок. Я видел, как она с любопытством рассматривает разложенные товары. Но я знал, что в маленькой девочке заключена древняя драконья кровь. И кровь эта жаждала наживы не меньше, чем любой гоблин-мародёр. Среди товаров мерцали кристаллические сферы с туманом, самоперелистывающиеся фолианты и шепчущие амулеты. Ми даже потянулась к одной из сфер, но я вовремя остановил её.

— Ми! — остерег я, подходя ближе. — Ничего не трогай. Иначе мы тоже можем попасть под действие заклинания. Это хрономантия, и она может быть заразной для тех, кто прикасается к застывшим предметам.

— Ми! — обиженно произнесла девочка, убирая руку. Её интонация говорила: «Я только посмотреть, я же не трогаю».

— Я знаю, — сказал я, не веря ни единому её слову. — Но лучше не рисковать.

Аяана подошла к другой повозке и заглянула внутрь. Там сидела женщина с ребёнком на руках. Оба были застывшими, как ледяные статуи.

— Здесь есть живые, — сказала она. — Есть шанс их освободить?

Я покачал головой.

— Я не знаю этого заклинания. Оно слишком сильное. Если я попытаюсь его снять, я могу только навредить им.

— Значит, оставляем, — сказала она. — Идём дальше.

Мы пошли дальше по тракту, оставляя за спиной застывший караван и его немых пассажиров. Я чувствовал на себе взгляды застывших людей, хотя знал, что они не могут видеть. Но это не делало ситуацию менее жуткой.

Запись двадцать первая

Как только мы перешли через мост, внезапно потемнело. Небо заволочло чёрными грозовыми тучами, и хлынул проливной дождь. Вода лилась с неба как из ведра, ветер гнул деревья.

Вдоль тропы, чуть поодаль, виднелась мрачная башня из белого камня. Она стояла как кость, торчащая из земли, и казалась единственным местом, где можно было укрыться от ливня.

— Туда! — скомандовала наёмница, и мы побежали, пытаясь спастись от дождя.

Мы бежали, но башня казалась на том же расстоянии, что и в начале нашего бега. Она как будто удалялась от нас с той же скоростью, с которой мы спешили к ней. Я чувствовал, как вода заливается за ворот, как сапоги набирают влагу, и как моя вера в то, что мы вообще добежим до башни, тает с каждым шагом.

В какой-то момент она сдалась и стала приближаться. Я увидел дыру в стене — полтора метра в высоту, выбитую чем-то тяжёлым, — в которую мы забрались, укрываясь от стихии.

Внутри было темно, но сухо. Мы стояли в небольшом зале с каменными стенами и высоким потолком. Каменная винтовая лестница вела наверх, уходя в темноту.

— Посмотрим, что тут, — предложила Аяана, отряхиваясь как мокрая кошка.

— Нет, — сказал я. — Хватит с нас приключений. Давайте посидим тут, разведём костёр, согреемся, переждём дождь и пойдём дальше.

— Ми! — не согласилась Ми. Я видел, как её глаза блеснули в темноте. Они тоже манили к неизведанному. Драконья кровь не успокоится, пока не увидит, что там, наверху.

— Ты серьёзно? — спросил я.

— Ми, — твёрдо ответила она.

Я вздохнул. И понял, что спорить бесполезно.

— Хорошо, — сказал я. — Но только быстро. Идём, смотрим и возвращаемся.

На мою голову. Зачем я только согласился.

Запись двадцать вторая

Я использовал руну тьмы Талиесина, чтобы создать свет. Так как меч находился внутри моего карманного измерения, свет шёл не от клинка, а от меня самого. Он разливался из груди, мягкий и тёплый, озаряя каменные ступени холодным, но не слепящим сиянием.

— Сияющий жрец, — усмехнулась Аяана, оглядывая меня с ног до головы.

Да, я сиял. Излучал свет, не отбрасывающий теней, освещая каменную лестницу без перил, уходящую куда-то вверх. Ступени были узкими, скользкими от времени, и я уже начал жалеть, что согласился на это приключение.

Путь занял целую вечность. Мы поднимались и поднимались, а конца лестнице не было видно. Ми шла впереди, но я видел, как её плечи начинают опускаться, как шаги становятся короче, а дыхание прерывистее. Я смотрел на её уставшее лицо и чувствовал внутреннее торжество. Она хотела посмотреть, что там наверху, — но не такой ценой. Ценой самоизматывания, когда силы тают быстрее, чем ты успеваешь заметить.

Наконец-то эта проклятая лестница кончилась. Мы стояли перед закрытой дверью, из-под которой лился мягкий голубоватый свет. Он был спокойным, ровным и совершенно не походил на что-то враждебное. Скорее — на свет в окне дома, куда ты возвращаешься после долгой дороги.

Аяана толкнула дверь. Та не поддалась.

— Заперто, — констатировала она, даже не пытаясь скрыть разочарование.

— Идём обратно? — с надеждой предложил я.

— Ми! — твёрдо сказала Ми, и я понял, что отступить некуда. Её взгляд стал жёстче, чем у наёмницы.

— Взлом и проникновение, — устало произнёс я, признавая неизбежность.

— Да! — с энтузиазмом подхватила Аяана. — Да! Взлом и проникновение! Давай, жрец. Покажи свою магию.

Я посмотрел на свою левую руку — чёрную, с фиолетовыми прожилками, которые пульсировали в такт сердцу.

— Кромвель, — мысленно обратился я к древнему злу, — поможешь?

Зло в руке затрепетало. Я почувствовал, как оно отозвалось, пробежав по венам до самого сердца, наполняя тело приятным холодом. Тьма согласилась. Она всегда была готова помочь, если это означало разрушение преград.

Я приложил руку к двери, чувствуя, как нагревается поверхность. Дверь вздрогнула, и я услышал, как внутри что-то скрипнуло. А потом раздался громкий хлопок, и тяжёлая дверь с грохотом упала.

Глава 7. Записи с двадцать третьей по двадцать пятую

Запись двадцать третья

Чего можно ожидать, если вломиться в чужие покои? Всё что угодно: хитрую ловушку для внезапных гостей, несметные сокровища, древнего спящего дракона, скелет в шкафу с остатками мяса на костях, — но явно не то, что мы увидели.

— Мракобесие, — медленно, почти по слогам, проговорила Аяана, переводя взгляд с одного на другого.

— Дядя плохой, не смотри, — сказал я, прикрывая глаза Ми ладонью, хотя было уже поздно.

Небольшая круглая комната освещалась только светом от начерченной на полу пентаграммы. Она мерцала голубоватым, отбрасывая на стены причудливые тени. В центре этой схемы сидел человекоподобный монстр с красной кожей, покрытой мелкими шипами, поблескивающими в тусклом свете. На его коленях, в зелёной мантии, сидел лысеющий мужчина с седой длинной бородой и целовал монстра в шею. Когтистая пятерня монстра ласкала его лысую голову, а в свободной руке мужчина держал металлический веер, отливающий синим и зелёным.

— Вы кто такие? — испуганно произнёс мужчина, резко слезая с колен красного монстра. Его глаза заматались по комнате, ища выход или объяснение.

Я открыл рот, чтобы выдать что-то вроде «простите, мы ошиблись башней», но вышло вот что:

— Ми, грабительница башен, — пафосно сообщил я, — и её верные помощники

— Насилие и Жестокость, — вклинилась Аяана, закончив мою фразу, чем испортила мою шутку. Но вышло в целом тоже неплохо.

Ми расхохоталась, отодвигая мою ладонь от своего лица. Её смех разнёсся по комнате, отскакивая от стен и заставляя пентаграмму чуть потускнеть.

Мужчина уставился на нас, как на сумасшедших. Монстр поднял голову, и я увидел его лицо — с большими чёрными глазами и зубастой пастью, которая, казалось, могла разжевать камень.

— Насилие и Жестокость? — переспросил монстр низким голосом. — А меня зовут Преданность. Я не люблю насилие. И жестокость тоже не люблю.

Аяана замерла. Я замер. Ми перестала смеяться.

Монстр поднялся на ноги. Он был около двух с половиной метров высотой, и когда он выпрямился во весь рост, его голова почти касалась потолка. Шипы на его коже засветились багровым, а чёрные глаза сузились, рассматривая нас как добычу.

— Тогда что ты делаешь в пентаграмме? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Меня вызвали, — ответил он, медленно поворачивая голову к мужчине в углу, который зажмурился и начал что-то быстро шептать. — Он меня вызвал. А теперь не может отправить обратно.

— Плохо, — сказала Аяана, обнажая меч. — Тебя отправить назад?

— Проводите? — прошипел монстр, оскалившись. Его зубы были острыми, как иглы, и я мог бы поклясться, что между ними ещё оставались кусочки чего-то, что он ел на завтрак. Возможно, человеческие пальцы.

Проклятие? Нет, оно обычно не действует на таких, как он. А кто он? Что за существо? Похотливый любитель старикашек? Призванное создание домена мрака? Или переродившийся колдун, который всегда мечтал о крутом красном шипастом теле?

Должен быть выход.

— Благословение, — напомнила Паладин Зари. — Благослови Аяану, а сам отойди с Ми. Это опасно

Монстр вскинул руку, и две пары острых шипов с тихим свистом полетели в нашу сторону.

— ...но! — успела сказать она, но было поздно.

Один шип вошёл мне в ногу, другой — в правую руку, третий отразила наёмница мечом, а последний вошёл в горло Ми.

Я услышал, как она захрипела. Кровь хлынула из раны, заливая её шею и грудь. Девочка попыталась что-то сказать, но из горла вырвался только булькающий звук.

— Ми! — выкрикнул я, падая на колени и подхватывая её на руки. Она была лёгкой, почти невесомой, и я чувствовал, как её тело дрожит от боли.

«Благословение древнего зла».

Я сжал левую руку в кулак, высвобождая проклятие Кромвеля, пропущенное через мою пятую преграду. Тьма рванулась из меня, обволакивая Аяану, наполняя её силой. Я чувствовал, как она впитывает её, как её мышцы становятся крепче, а глаза загораются холодным жестоким светом.

— Вломи ему! — выкрикнул я, прижимая Ми к груди.

— Слушаюсь! — кивнула Аяана и шагнула в пентаграмму.

Запись двадцать четвертая

Я вынул из горла девочки острый шип. Кровь хлынула сильнее, но я зажал рану рукой, чувствуя, как она пульсирует под пальцами. Я погладил её по волосам.

— Всё будет хорошо, Ми, — шептал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Всё будет хорошо. Ты сильная. Ты справишься.

Звуки расщепились. Я слышал стук своего сердца — громкий, как барабанная дробь перед опасным прыжком циркача. Я слышал звон стали и рык монстра — битва Преданности и Аяаны продолжалась с яростной скоростью. Я слышал хрипение Ми, которое становилось всё тише, будто жизнь уходила из неё с каждым выдохом.

А ещё я слышал, как старикашка-монстролуб шепчет слова какого-то заклинания. Его голос был тихим, но я различал каждое слово — они вплетались в воздух, делая его плотнее, тяжелее.

Аяана вызвала эхо и кинула его в монстра. Призрачный клинок вонзился в лодыжку Преданности, и тварь противно завизжала, как ржавая пила по камню. Аяана не стала ждать. Она вызвала второе эхо и снова бросила. Монстр отбил его когтистой пятернёй, но наёмница уже была рядом. Она вызвала третье эхо и сделала рывок, нанося одновременно два удара. Когда ты двухсполовинометровый монстр, тебя будут бить в пах — рассекая одним клинком бедренную вену, а вторым пронзая низ живота. Таковы правила.

Вуп!

Звук, не похожий ни на что. Активация Тихого Грома. Я почувствовал, как воздух содрогнулся, как пентаграмма под ногами вспыхнула ярче, а монстр издал булькающий звук, что-то среднее между удивлением и страхом.

Преданность упал на колени, обильно орошая пентаграмму своей слизистой вонючей кровью. Его глаза расширились, и в них мелькнуло что-то, чего я не ожидал увидеть у этого

существа — ужас. Да, твари тоже боятся смерти. Наверное, он не думал, что кто-то сможет нанести ему такой урон.

И в это время...

Нет, не так.

И вдруг время остановилось.

Запись двадцать пятая

Очень сложно понять в тот самый момент, когда мысли твои всё ещё текут, продолжают вращаться в голове, но происходящее снаружи уже застыло, будто росчерк кисти на большом холсте. Я видел, как в воздухе повисла капля крови Ми, стекшая с моей руки. Она висела, переливаясь в застывшем свете, как маленький рубин, и я не мог отвести от неё взгляд.

Я попытался посмотреть на что-то другое, но мне это не удалось. Глаза намертво приковались к одной точке, без возможности даже расфокусировать зрение или закрыть глаза. Звуки перестали существовать — ни всхлипов, ни дыхания, ни стука сердца, ни боя Преданности с Аяаной. Ничего, кроме хриплого смеха старика, который раздавался отовсюду и ниоткуда одновременно.

— Ваша бестактность меня бесит, — прохрипел старик. Его приглушенный голос звучал так, будто он пробирался сквозь вату. — Вы пришли без приглашения. Думали, вам будут рады

Я слышал, как голос приближался. Теперь он был где-то около Аяаны — я не мог видеть её, но чувствовал, что старик стоит рядом с ней, разглядывая её застывшую фигуру.

— Сможете прийти и убить моего слугу, — голос становился всё громче, в нём прорезалась злоба. — Сможете посмеяться надо мной

Голос был уже рядом. Возле моего правого уха.

— Колдун Альмар, — его голос перешёл на змеиное шипение, — никого не прощает.

Мой обзор вдруг изменился. Колдун повернул мою голову в свою сторону, я ничего не почувствовал, но понял что его пальцы сжались на моём подбородке, с усилием разворачивая лицо. Но глаза остались сфокусированы на Ми. Я видел старикашку немного мутноватым, размытым по краям. Зрение при остановленном времени не могло сфокусироваться на новой цели.

— Я убью тебя и эту рыжеволосую девку, — хрипел колдун, — а потом воскрешу вас как своих слуг. Вы будете ходить голые, на четвереньках.

Фантазия у деда была закоренелой. Я слышал, как он смакует каждое слово, как его голос становится всё более довольным собой.

— А потом я отрежу тебе — колдун перешёл на описание отдельных частей моего тела с последующим смакованием подробностей отдаления их от меня.

Но он не успел договорить, так как его монолог прервали. Я услышал резкий звук, похожий на звон разбитого стекла. Потом ещё один. И ещё.

Вдруг старикашка упал.

Было очень интересно услышать продолжение, но, увы, этого не случится уже никогда. Колдун Альмар, который только что смаковал подробности моей будущей смерти, лежал на полу, и я понятия не имел, что именно его убило.

Внезапную тишину нарушили чьи-то голоса.

Два голоса. Мужской и женский. Они говорили на непонятном мне языке с долгими гласными, которые сплетались в слова, не имеющие смысла для моего уха. Я слышал их, но не понимал. Звуки скользили по поверхности сознания, не задерживаясь.

Кто-то подошёл ко мне. Я видел лишь мутный силуэт, который навис надо мной, заслоняя свет. Он — или она — помахал рукой у моего лица, проверяя, реагирую ли я.

— ...этот ещё жив, — разобрал я обрывок фразы на общем языке.

— Он нам нужен, — ответил спокойный женский голос.

Потом что-то произошло. Я почувствовал, как мир вокруг начинает сжиматься, как звуки становятся глуше, как темнота поднимается откуда-то снизу, заполняя собой пространство.

Я провалился во тьму. Последнее, что я услышал, было:

— Забираем этих троих, остальное сжечь.

Глава 8. Записи с двадцать шестой по двадцать восьмую

Запись двадцать шестая

В следующий раз, когда Ми и Аяана потянут меня посмотреть таинственную башню, я, скорее всего, откажусь. Это будет зависеть от степени их настойчивости, но я уже заранее готовил контраргументы. Напомню про колдуна Альмара. Напомню про башню, которая оказалась ловушкой. Напомню про то, как мы чуть не остались там навсегда.

— Ми!

Я открыл глаза и увидел Ми. Живую и здоровую. В одежде, перепачканной её собственной кровью.

Каждый раз, когда Ми получает увечья, всё внутри меня замирает. Да, я знаю, что она умеет регенерировать. Видел это не раз. Но каждый раз что-то во мне обрывается, что-то подсказывает, что это не навсегда. Найдётся что-то, что может её покалечить или убить. В мире много разной магии, и я уверен, есть что-то, что можно противопоставить её регенерации. Например, призрачное пламя чёрного дракона. Я не хочу проверять, выдержит ли кровь Ми очередное могущественное заклинание.

— Ми!

Я встал с мягкой кровати и огляделся. Комната была просторной, но неудобной. Серые каменные стены, тяжёлые цепи на стенах, вьёвшиеся в пол следы крови, которые не смогли отчистить даже старательные слуги. Наспех натаканная мебель стояла криво, будто её принесли сюда за час до нашего появления. Две кровати, шкаф, комод. Всё выглядело так, будто кто-то пытался сделать из камеры для пыток уютное жильё. И у них почти получилось.

Две кровати.

— А где Аяана? — спросил я у Ми, но та лишь пожала плечами. В руках она вертела металлический веер сине-зелёного цвета — аксессуар колдуна Альмара.

— А где мы? — спросил я ещё раз, пытаясь сориентироваться.

— Вы в Карцероне, — раздался голос за спиной.

Я подпрыгнул, как напуганный кот. Я не слышал, как он вошёл, не слышал, как открылась дверь, не почувствовал его присутствия. Он просто был там.

В дальнем конце комнаты, возле железных дверей, стоял высокий стройный мужчина в нарядном камзоле. Его золотые волосы были собраны в длинную косу, лицо — пепельно-белое, с идеально симметричными чертами. Он был красивым, как эльф. Но он не был эльфом. У эльфов длинные заострённые уши — у него были обычные. У эльфов не бывает крыльев за спиной — у него были длинные прозрачные крылья, похожие на крылья стрекозы. Они переливались на свету, как тончайший хрусталь.

— Вас пригласили на свадьбу лорда Никуса, — сказал он с лёгкой, почти дружелюбной улыбкой. — Не сопротивляйтесь.

Запись двадцать седьмая

— Это ты сосок? — спросил я внезапно, сам удивившись своему вопросу.

Слова вылетели раньше, чем я успел их обдумать. Мужчина с крыльями улыбнулся. Его улыбка была обворожительной, идеальной, от которой становилось не по себе. Слишком правильные зубы, слишком ровные линии губ, слишком располагающий взгляд. Такие улыбки

обычно бывают у торговцев, которые продают тебе какой-то мусор по цене бриллианта, или у существ, которые заманивают тебя в ловушку.

— Моё имя Фердиад, — сказал он, слегка склонив голову. — Я преданный слуга лорда Никуса. Сейчас мы приведём вас в порядок и будем готовиться к церемонии бракосочетания. Ваша спутница присоединится к вам уже на церемонии. Она сейчас как раз принаряжается.

Я задумчиво прикусил губу. Никогда не видел Аяану в парадном мундире. Интересно, это будет шипастый доспех с черепами на наплечниках или что-то более традиционное? Может, наёмница в платье? Эта мысль была настолько абсурдной, что я чуть не улыбнулся, но усилием воли сдержался.

— Ми! — звонко выкрикнула девочка, захлопав в ладоши. Она посмотрела на меня и улыбнулась, явно предвкушая что-то интересное. Но я не смог улыбнуться в ответ. Перед моими глазами снова всплыла картина — шип, который вошёл в её горло. И кровь, много крови.

— А нельзя её позвать на минутку? — спросил я, стараясь говорить ровно.

— Исключено, — резко произнёс Фердиад, и его голос стал холоднее. Но потом он снова улыбнулся, и его тон стал мягче, почти ласковым: — Леди Аяану нельзя сейчас тревожить. Дама должна выглядеть красиво. Таково пожелание лорда Никуса.

Я посмотрел на него с подозрением. Мы говорим об одном и том же человеке? Леди Аяана? Я еле сдерживался, чтобы не засмеяться.

— А что будет, если я откажусь присутствовать на свадьбе? — спросил я.

Фердиад пристально посмотрел на меня, и его крылья слегка дрогнули.

— Я бы не советовал этого делать, — сказал он. — Лорд Никус не любит, когда его гости отказываются от приглашений. Он может это воспринять как личное оскорбление. А оскорблённый князь домена мрака — это не самое приятное зрелище.

Я вздохнул и кивнул.

— Тогда, наверное, мне стоит привести себя в порядок, — сказал я. — Где тут у вас вода? И зеркало?

Фердиад улыбнулся и указал рукой на небольшой тазик с водой, стоящий на комод.

— Всё готово, — сказал он. — Я подожду вас за дверью.

Он вышел, и я остался один с Ми и пустой комнатой. Я подошёл к тазу, посмотрел на своё отражение в воде. Выглядел я так, будто меня только что вытащили из болота.

— Ми, — сказал я, — у нас проблемы.

— Ми, — согласилась девочка.

Запись двадцать восьмая

Меня нарядили в пепельный жюстокор, украшенный серебристыми галунами, и яркий красный жилет с бархатными кюлотами. Я не знаю, что это значит, но выглядел я глупо и нарядно одновременно. В зеркале на меня смотрел незнакомец с зачёсанными назад седыми волосами и чужой улыбкой. Я не сразу узнал себя.

— Ми!

Малышка была похожа на дорогую куклу. Её платье из плотного темно-бордового шёлка доходило лишь до середины голени, открывая белоснежные чулки и туфельки, которые, казалось, были сделаны из того же материала, что и крылья Фердиада. Сзади красовался аккуратный, по-детски забавный турнир: ткань была соткана в пышные, упругие складки, напоминающие хвост сказочной птицы. По краям бордовых воланов бежала тонкая змейка золотого кружева, которая весело поблёскивала и искрилась, когда девочка кружилась на месте.

— Леди Ми! — улыбнулся я, увидев знакомое лицо в незнакомом наряде. — Вы ли это?

Девочка улыбнулась, помахивая металлическим веером Альмара. Она явно наслаждалась моментом — её глаза блестели, а на губах застыла довольная улыбка.

Кроме того, нас ещё и подстригли, и побрили. Меня побрили — впервые за долгое время я увидел свою чистую кожу без щетины, и это было странно. А Ми подстригли, и теперь на её голове красовалась красивая короткая причёска благородной дамы. Она выглядела старше, серьезнее, хотя в глазах всё ещё прыгали озорные искорки.

Интересно, что они сделали с Аяаной. Если её нарядили в платье — она, скорее всего, уже кого-то убила. Если её нарядили в доспехи — она, скорее всего, уже кого-то убила. Разница только в том, сколько крови будет на ткани.

— Вы выглядите достойно! — хлопнув в ладоши, произнёс Фердиад, появляясь в дверях. Его крылья слегка дрогнули, будто он был в восторге от нашего вида. — Церемония скоро начнётся. Я отведу вас к вашим местам.

Мы вышли из комнаты и пошли по длинному коридору, освещённому факелами, которые горели ровным холодным пламенем. На стенах висели портреты существ, которых я не узнал. Они смотрели на нас так, будто знали, кто мы. Впереди слышалась тихая печальная музыка, похожая на ту, что играют перед важными событиями.

— Там будет много гостей? — спросил я.

— Достаточно, — ответил Фердиад. — Только самые важные персоны доменов мрака. И вы, конечно.

Я слотнул. Самые важные персоны доменов мрака. И мы. Прекрасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.